

Анатолий Иванов

ИЕРАРХИЯ РАЗУМА

Во первых строках своего Евангелия апостол Иоанн заявляет, что «в начале бе Слово» («Эн архе эн но логос»), не утруждая себя при этом никакими пояснениями, хотя обойтись без них никак нельзя.

Лев Толстой, задумав свой перевод Евангелий, споткнулся уже на этой фразе, сляясь понять ее смысл и правильно передать его по-русски.

И не мудрено: греческий «Логос» в наше «Слово» никак не уместается по причине своей многозначности, поэтому любой переводчик оказывается в роли Прокруста. Великий писатель земли русской аккуратно переписал все 11 главных значений слова «логос» из греческого словаря и выбрал в итоге «разумение», истолковав его как «разумение жизни». Толкование это тоже неверное ибо «разумение жизни» в начале быть никак не могло: сначала была жизнь, а потом уже ее разумение¹.

«Логос», действительно, означает «слово», но слово в процессе речи, а не вырванное из контекста слово, взятое из словаря. Основоположник структуральной лингвистики Ф. де Соссюр четко различал язык (langue) и речь (parole). Язык, по его определению, не есть функция говорящего индивида, он продукт, пассивно регистрируемый индивидом, тогда как речь – индивидуальный акт воли и понимания². Таким образом, греческий «логос» связан с волевым началом, а русское «слово» на эту связь прямо не указывает. В греческом языке «логос» это также речь, беседа, переговоры, договор, отговорка, молва, басня. В значении «историческое или прозаическое сочинение» «логос» обретает тот же смысл, что у нас в «Слове о законе и благодати», «Слове о полку Игореве» или «Слове к товарищу Сталину» М. Исаковского.

Второй ряд значений слова «логос» связан с понятиями счет, число, пропорция, значение. Такая же связь между речью и счетом прослеживается и в немецких глаголах «zählen» (считать) и «erzählen» (рассказывать).

---

¹ Л.Н. Толстой. Соединение и перевод четырех Евангелий. Полное собрание сочинений. М., 1957, т. 24, с.25-26.

² Курс общей лингвистики, рус. изд. 1933 г.

Иногда греческое слово «логос» переводится и как «дело», так что гетевский Фауст ломился в открытую дверь, заменяя «В начале было Слово» на «В начале было Дело». Греческую фразу из Евангелия от Иоанна можно понимать и так, а вот при ее переводе на русский или немецкий язык одним словом не обойтись.

Но главным является третий смысловой ряд, который выводит нас уже в область философии. «Логос» – это также разум, разумное основание, причина, мнение, понятие, смысл. У греческих философов, Гераклита и стоиков, Логос – это мировой разум, идентичный с безличной, возвышающейся даже над богами закономерностью Вселенной, с Судьбой (греч. Эймармене). Фокус, который проделал с этим понятием хитрый александрийский еврей Филон, современник Христа, напоминает мне любимое зимнее развлечение мальчишек первых послевоенных лет: уцепиться специально сделанным крючком за борт грузовика и катиться за ним на коньках. Точно так же Филон прицепил к греческому Логосу своего ветхозаветного бога. Несложной технологией этого фокуса охотно воспользовалось христианство. Как писал известный немецкий философ Артур Дреус (1865 —1935), «бог, которого предлагает людям христианство, это не всеобъемлющая единая Сущность... а исторически ограниченный, отягченный случайностями бог еврейского народа, идеал, рожденный из семитского расового духа... Христианство предлагает всем личностям, родам и расам принести свое природное своеобразие в жертву на алтарь семитского расового духа»³.

А. Дреус видел главную заслугу Х.С. Чемберлена (1855—1927) в том, что автор «Основ XIX века» постоянно подчеркивал убожество и религиозную неполноценность семитского расового бога и семитского понимания бога по сравнению с гораздо более глубоким миром и более богатым философским и религиозным содержанием изначально арийско-германского понимания бога. «Нет в мире людей более нищих во всем, что касается истинной религии, чем семиты», – писал Чемберлен⁴. Это, разумеется, нашло свое отражение и на языковом уровне, но об этом позже.

Но даже если мы оставим в стороне философский аспект и займемся словом только как элементом человеческой речи, мы и в этой сфере обнаружим ту же тенденцию к принесению национального своеобразия в жертву на том же алтаре того же злого духа. Лингвисты умудряются в упор не видеть своеобразие языков и пытаются свести их к одному знаменателю.

---

³ Arthur Drews. Nietzsches Philosophie. Heidelberg. 1904. S.505.

⁴ Ibid, p.507.

Особенно отличились на этом поприще в XVII веке французские теологи (Арно, Лансело, Николь), создатели т.н. логики Пор-Рояля, названной по имени монастыря близ Парижа. Монастырь этот был сожжен по приказу Людовика XIV в 1709 году. Жаль, что это не было сделано раньше: мы были бы тогда избавлены от «логики», в соответствии с которой были разработаны некие общие положения, универсальные для всех языков.

Можно придумать сколько угодно положений, претендующих на универсальность, но ни одно из них не сможет стать действительно универсальным, потому что разнообразие форм мышления и соответственно языков заведомо обрекает на неудачу любую попытку подогнать их под один шаблон.

Так сел в лужу представитель франкфуртской школы логической грамматики К. Беккер, который, признавая внутреннее тождество мысли и языка и одновременно – единство форм мысли для всех народов пришел к выводу о допустимости единой грамматики, одинаково обязательной для всех языков, а все, что не укладывалось в нормы единой грамматики, отнес к «уродливости организмов». Живая жизнь для такого рода абстрактных теоретиков – не более чем «уродство».

Этим теоретикам следовало бы помнить хотя бы, что писал Вильгельм Гумбольдт (1767—1835) в своей работе «О различии строя человеческих языков и о его влиянии на умственное развитие человечества»⁵: «Мы принимаем язык за основу для объяснения степеней умственного развития в истории человечества. Допуская, что эти степени происходят от национальных особенностей, мы будем отыскивать их в строении каждого языка» В. Гумбольдт не мог проводить эту мысль последовательно, поскольку оставался рабом господствовавшей в его время ложной идеи единства человеческого рода и идеалистического мировоззрения. Он знал, что языки развиваются из национального духа, и в то же время воображал себе некий язык вообще, который «создает сам себя», и считал, что «язык не есть произведение деятельности, а невольное излияние духа», не дело народа, а дар судьбы. Народ употребляет язык, не зная как он образуется». «В самом акте образования языков, в их рождении заключается и причина различий в их строении, и источник влияния этого различия на ход умственного развития человечества». Итак, язык, по В. Гумбольдту, это некий свалившийся с неба дар, так что даже самую индивидуальность духа народов можно назвать произведением языков. Чувствуя, что совсем зарাপортовался, В. Гумбольдт, правда, тут же поправляется: «Вернее всего, язык и индивидуальность народа

---

⁵ Предисловие к его большому исследованию «О языке кави на острове Ява», 3 тт., 1836—1840 гг.

происходят из глубины души одновременно и соответствуют друг другу». Это уже ближе к истине. Тот дар, которым якобы является язык, дается народам не просто так, а «благодаря их внутренним способностям». Если отбросить идеалистическую галиматью о «даре» и признать все же народ творцом языка, мы приходим к выводу, что совершенство продукта этого творчества зависит от внутренних способностей, от расовых задатков народа и отражает степень его умственного развития.

Возвращаясь к теме «слова», отметим, что интуиция вела В. Гумбольдта по правильному пути. Он не мог себе представить, чтобы образование языков началось с названия предметов отдельными словами: «не речь составила из слов, а слова произошли из органической совокупной речи». «Живая речь – первое и истинное состояние языка. Раздробление на слова и правила – мертвый продукт механического ученого анализа». Так что, по крайней мере, при создании языка в начале было отнюдь не слово.

Правда, наш некогда знаменитый академик Н.Я. Марр (1865—1934) в числе прочих своих курьезных идей (хотя отнюдь не все его идеи заслуживают такого определения) высказывал и такую, что якобы была эпоха «когда в распоряжении племени было только одно слово для применения во всех значениях, какие тогда осознавало человечество»⁶. Понять, каким образом могла придти в голову Марру такая идея, можно только исходя из его общих представлений о происхождении языка, а формировались они под влиянием теории Вильгельма Вундта (1832—1920), согласно которой первичным был язык жестов. Теория эта, конечно, не соответствовала доисторической действительности. Первобытный человек жил среди множества опасностей и предупреждение об этих опасностях было одной из главных задач. Язык жестов для этой цели явно не годился: какие жесты можно разглядеть в ночной тьме, в тумане? Здесь необходимы были звуковые сигналы, характер которых постепенно усложнялся: требовалось уточнить, что опасность исходит сзади или сбоку, потом с какого именно бока, левого или правого и т.д. Выбор этих сигналов был совершенно произвольным. Ф. де Соссюр определял язык, как систему знаков, выражающих идеи. Языковой знак – это понятие и акустический образ. Последний – не материальный звук, а психический отпечаток звука, представление, чувственный образ. По мнению де Соссюра, вся система языка покоится на иррациональном принципе произвольности знака, так что язык не есть механизм, созданный и приспособленный для выражения понятий. Да и само по себе мышление похоже на туманность, где ничто не разграничено. До появления языка нет различий.

---

⁶ Из статьи «К происхождению языка», октябрь 1925 года.

Язык – посредник мышления и звука. Как отмечал тот же В. Гумбольдт, «при зарождении языка человек с каждым звуком, исторгавшимся из груди, соединял полный смысл, т.е. «окончательное предложение».

Ницше выводил трагедию из духа музыки, Марр звуковую речь – из магических обрядов. Наряду с прочими, по терминологии того же Марра, «звуковыми комплексами» у племени, действительно, могло быть и одно слово, но не для всех значений, а для обозначения общности, например, происхождения от одного тотема. Такова, возможно, и природа индийского священного слога АУМ.

Известно, как много греческих и латинских слов вошло в современные европейские языки. Несомненно, на заре человечества какие-то племена опередили другие в создании звуковой речи, и самые широкие размеры приобрел процесс заимствования готовых сигналов. Ученые долго искали индоевропейский «праязык», потом расширили зону своих поисков на т.н. ностратическую общность, гипотезу о существовании которой датский лингвист Х.Педерсен выдвинул еще накануне Первой мировой войны, а у нас ее позже развил В.М. Иллич-Свитыч. Но лексические соответствия в языках разных рас это не доказательство общности происхождения, которым моногенисты могли бы воспользоваться, как козырем, а результат описанного выше процесса заимствования. Если сегодня в Африке есть англоязычные и франкоязычные страны, это вовсе не означает, что их население произошло от англичан или французов. Миграции племен на очень далекие расстояния происходили уже в палеолите, уже тогда в районе озера Байкал встретились народы европеоидной и монголоидной расы и заимствовались не только приемы обработки каменных орудий, но и звуковые комплексы. Н.Д. Андреев⁷, назвал ностратизму, изобрел «бореальную» общность индоевропейских языков с уральскими и алтайскими. Но это тоже отнюдь не общность происхождения.

По Марру, «звуковая речь начинается не только не со звуков, но и не со слов, частей речи, а с предложения, мысли активной и затем пассивной, т.е. начинается с синтаксиса».

Русский лингвист А.А. Потебня, следуя традиции В. Гумбольдта и Г. Штейнталя (1823—1899), родоначальника т.н. «народной психологии», пришел к выводу, что синтаксические явления совпадают с этимологическими, так как практически слово может существовать только в предложении. Он воевал против логической грамматики за то, что она видит в народностях «уродства», показывал, что грамматических категорий несравненно больше, чем логических, но отрывал на

---

⁷ Н.Д. Андреев. Раннеиндоевропейский праязык. Л., 1986.

этом основании грамматическое предложение от логического суждения, не понимая, что грамматических категорий больше по той причине, что логика не одна, а есть множество разных расовых и национальных логик – этот факт и отражается в разнообразии языковых форм.

Зато Потебня понимал, что по мере развития языка приходится менять и определения предложения. Другой наш выдающийся лингвист Л.В. Щерба говорил примерно в том же духе о слове: «В самом деле, что такое «слово»? Мне думается, что в разных языках это будет по-разному. Из этого собственно следует, что понятия «слово вообще» не существует».

Кое-кто из участников дискуссии о слове⁸ тщетно пытался дать определение «слова вообще», но многие стояли на точке зрения Щербы. А.А. Леонтьев назвал бесплодными поиски такого формально-грамматического определения слова, которое было бы одинаково пригодно и для китайского, и для эскимосского языка. И.П. Иванова заявила, что «различие языков в типологическом отношении делает... невозможным конкретное удовлетворительное определение слова для всех языков». Даже в рамках индоевропейских языков для английского языка требуется особое определение. Б.А. Серебренников счел недостаточными все определения слова, претендующие на универсализм и всеобщность. Да и сам Ф. де Соссюр считал понятие слова несовместимым с нашим представлением о конкретной единице языка. Языковая единица, по его определению, это отрезок речевой цепи, соответствующий определенному понятию.

Творцы логики Пор-Рояля утверждали, будто существует лишь один универсальный естественный порядок слов: сначала субъект, потом предикат; будто предложение всегда состоит из субъекта и предиката, причем субъект может присутствовать в предложении или подразумеваться и может быть выражен подлежащим или дополнением. Но уже в XVIII веке Этьен де Кондильяк (1715—1780) занял более самокритичную позицию, вполне разумно полагая, что отнюдь не все народы мыслят на французский манер. Он писал: «Французы хвалятся, что их язык превосходит древние языки... ибо французы воображают, что наиболее естественный порядок слов требует знать субъект, о котором говорят, до того, как указать, что мы утверждаем. Но раньше наиболее естественное построение предложения имело совсем другой порядок».

Смертельный удар универсальной логике французских лингвистов от теологии нанес французский этнолог еврейского происхождения Люсьен Леви-Брюль

---

⁸ Сб. «Морфологическая структура слова в языках различных типов». Изд. АН СССР. М.-Л., 1963.

(1857—1939). Его знаменитая книга «Первобытное мышление» была издана на русском языке в 1930 году. В ней Леви-Брюль сразу же брал быка за рога и указывал на первоисточник всех заблуждений: «Объяснить особенности первобытного мышления мешала вера в «тождество человеческого духа», совершенно одинакового везде и всюду с логической точки зрения. Это тождество принималось как аксиома, его считали излишним доказывать». «Но надо признать, что человеческие общества могут иметь глубоко различные структуры, а, следовательно, различия в высших умственных функциях. Следует наперед отказаться от сведения умственных операций к единому типу». Леви-Брюль был представителем социологической школы, поэтому он связывал различия в умственных функциях с различием общественных структур, хотя правильной выводил и то, и другое из расовых различий.

Леви-Брюль не находил никакой формальной логики в первобытном мышлении, которое он называл «дологическим». Он подчеркивал, что «коллективные представления первобытных людей не имеют логических черт и свойств». Представление первобытного человека «в любой данный момент является неразложимым целым». Примечательно, что Леви-Брюль употребляет применительно к таким представлениям термин «полисинтетические» – именно так называются языки определенного типа, о которых пойдет речь ниже. Согласно логике монастырских крыс из Пор-Рояля, «аналитический порядок мысли и ее составляющих выявляет разумную картину, создаваемую речью во всех языках. Это правило универсально». «Все языки связаны с аналитическим порядком мысли». Согласно трактовке Леви-Брюля, «пралогическое мышление мало склонно к анализу. Оно синтетично по своей сущности, но его синтезы не предполагают предварительных анализов, результаты которых фиксируются в понятиях Связи представлений даны здесь вместе с самими представлениями. Эти синтезы неразложимы».

«Для первобытного мышления предметы могут быть и самими собой, и чем-то иным. Противоположность между единичным и множественным, тождественным и другим не диктует обязательного отрицания одного из этих терминов». Дологическое мышление разделяется «на антилогично и не алогично, оно не стремится избежать противоречия, но и не склонно без всякого основания впадать в него», оно как бы безразлично относится к противоречиям. Оно «не видит затруднений в том, чтобы одновременно представлять себе тождество единого и множественного, особи и вида, самых различных существ», – это его «руководящий принцип». Когда Ф. де Соссюр говорил о «мышлении, похожем на туманность, он имел в виду именно такое мышление.

Л. Леви-Брюль делал верный вывод: «Логическое мышление никогда не будет универсальным наследником пралогического мышления». Он связывал послед-

нее с коллективными представлениями, которые считал источником периодического возрождения антиинтеллектуальных учений. Как мы увидим ниже, этот тезис можно доказать и на языковом материале, на примерах полисинтетических конструкций в языках, не принадлежащих к полисинтетическому типу.

Н.Я. Марр в своих статьях и выступлениях неоднократно ссылался на теорию Леви-Брюля. Он отмечал, что «мышление современных языков, при всей глубине различий, не выходит за пределы понятного нам, логического мышления. Здесь нет моментов того дологического состояния мысли, при котором человек имел восприятие в образах с совсем иными ассоциациями, с доисторическими ассоциациями не идей, а образов».

Когда с тяжелой руки товарища Сталина начался погром «марризма», А. Чикобава, который с личной подачи вождя первым выступил против Марра в 1950 году, подверг критике стадиальную схему происхождения языков, данную Марром в 1928 году. По этой схеме, древнейшую стадию развития представляют односложные языки – китайский и африканские языки гвинейской группы с красивым названием «группа ква» (языки иоруба, эве, тви и др.), а последнюю – семитические и индоевропейские языки. А. Чикобава строго вопрошал, какую стадию представляют полисинтетические языки американских индейцев, которые не нашли места в схеме Марра?⁹

Поскольку Марр, как уже говорилось, опирался на теорию Леви-Брюля, было бы странно, если бы он не уделил должного внимания полисинтетическим языкам и не нашел для них места. И в самом деле, в том же 1928 году в статье «Актуальные проблемы и очередные задачи яфетической теории» Марр поставил вопрос о смене дологического мышления логическим и наметил другую схему, согласно которой периоду т.н. «первобытного коммунизма» соответствовал синтетический строй, периоду разделения труда агглютинативный, а классовому обществу – флективный.

Оставим в стороне «классовый подход» Марр – в те годы каждый приспособлялся как мог. Кстати, путь к такому подходу был проложен т.н. «социологической школой» еще в 60-х годах XIX века. Английский филолог с немецкой фамилией Макс Мюллер соотносил корневой тип с «семейной» ступенью развития, агглютинативный – с кочевым образом жизни, а флективность – с политической ступенью, т.е. той, когда появляется государство. Поясним лишь некоторые термины. Языковеды, как и ученые других областей, любят изъясняться на воровском жаргоне, не понятном для простых смертных. Мы постараемся исполь-

---

⁹ Введение в языкознание. М., 1953, ч. I. с. 236.

звать лишь такие термины, без которых никак не обойтись. Это, прежде всего, термины, обозначающие различные типы языков.

Мы уже говорили о полисинтетических языках (именуемых также «инкорпорирующими»). Характерная форма этих языков – слово-предложение. В изданной у нас в 1934 году книге «Язык» американского лингвиста Эд. Сепира, специалиста по языкам американских индейцев, приводится для примера такое «слово» из языка пайют (Штат Юта): ви-и-то-кучум-пунку-рюгани-югви-ван-тюм. Это множественное число причастия будущего времени составного глагола «сидя разрезать», смысл слова-фразы: «имеющие сидя разрезать ножом черного бизона».

Другой тип языков – корневые или односложные (на ученом жаргоне «моносиллабические»). Это китайский язык и упомянутые негритянские языки квакающей группы.

Языки, в которых слова состоят из корня и частиц, выражающих взаимоотношения слов в связной речи (аффиксов), делятся в зависимости от характера связи между корнем и аффиксами на агглютинативные (т.е. «склеивающие») и флективные (т.е. «сгибающие»). В первых аффиксы механически присоединяются к корню по типу турецкого «ода» – комната, «одада» – в комнате, «одлар» – комнаты, «одаларда» – в комнатах и т.д. до бесконечности.

Те формы, которые используются в русском языке при словообразовании, склонении и спряжении называются флективными. Русский может не знать термина «флексия», как господин Журден не знал, что говорит прозой, но использует в повседневной речи именно флективный метод. Однако гораздо хуже незнания термина его неправильное применение.

С давних пор ученые традиционно относят к флективным языкам как индоевропейские, так и семитские. Упомянутый А. Чикобава считал даже семитские языки «более флективными», чем индоевропейские, поскольку такое явление, как флексия основы, часто встречающаяся в английском и немецком языках при образовании множественного числа, в арабском языке служит основным средством словоизменения¹⁰.

И в этом случае истина открылась «через еврея», а именно через давно уехавшего из Советского Союза в Израиль И.А. Мельчука. В своей статье «О «внут-

---

¹⁰ Цит. соч., с. 185.

ренней флексии» в индоевропейских и семитских языках»¹¹ он вынужден был признать, что «в семитских языках никакой внутренней флексии нет, а есть нечто другое». «То, что называют «внутренней флексией» в семитских языках это не что иное, как определенный тип аффиксации». Итак, семитские языки пользуются такими же механическими методами, как и агглютинативные, только аффиксы в них не присоединяются к корню, а вставляются внутрь. Эти вставные элементы семитологи называют «схемами», но, как признает Мельчук, «схемы оказываются функционально эквивалентны тому, что в других языках повсеместно называют аффиксами». И в самом деле: лексическое значение в арабском языке связано лишь с согласными звуками слова, а грамматическое значение выражается гласными звуками; таким образом, гласные не входят в состав корня.

Поль Брока издевался над сторонниками моногенизма, опираясь на труды французских лингвистов, в частности, Шаве, который считал язык «своего рода фатальным продуктом организации, свойственной расе». Эти лингвисты не обнаружили абсолютно никакого сходства в структуре индоевропейских и сирийско-арабских языков. «Все попытки филологов известной школы вывести одну из этих двух языковых семей из другой остались бесплодными. Ученым и благочестивым теологам приходится исказить библейскую традицию, чтобы сделать ее совместимой с очевидными и неоспоримыми свидетельствами лингвистики», – писал Брока в 1862 году в статье «Лингвистика и антропология»¹².

Ф. де Соссюра поразила устойчивость некоторых черт семитских языков. Более всех семей эта семья производит впечатление единства неизменного, постоянного и присущего всей семье типа. Де Соссюр видел в этом фонетический, а не грамматический феномен, так как семитские языки меньше других подвергались фонетическим изменениям, но одно с другим взаимосвязано. Застойность форм соответствует застойности мысли, и здесь самое время вспомнить, что говорил о семитском мышлении Х.С. Чемберлен.

Еще больше путаницы вносит деление флективных языков на синтетические и аналитические, введенное Августом Шлегелем в 1818 году. Различие между ними заключается в том, что там, где синтетические языки, вроде русского или латинского, используют аффиксы, аналитические, такие как английский или французский, прибегают к помощи отдельных слов.

---

¹¹ «Вопросы языкознания», 1963, No.4.

¹² Memoires d'anthropologie. Paris, 1871, v. 1, p.234.

Как отмечал еще А. Чикобава, «в зарубежной печати встречаются утверждения, будто аналитический строй языка представляет собой более ценный, более прогрессивный строй речи. В большинстве случаев такого мнения держатся лица, заинтересованные в распространении влияния английского языка, стремящиеся навязать английский язык иноязычным народам силой, – это почти исключительно носители данного языка – англичане и американцы»¹³.

Жаль, что А. Чикобава не развил свое весьма правильное соображение: в собственно флективных языках аналитического строя не может быть. Английский язык, по его мнению, за последние десять веков сильно продвинулся к корневому типу. В.А. Богородицкий в своем «Введении в изучение современных романских и германских языков» (М., 1953) приводит для сравнения один и тот же текст на разных языках. В английском варианте этот текст состоит из 77 слов, из них неодносложных – всего пять! В соответствующем французском тексте их число увеличивается до десяти, в немецком их уже 24, а в русском – 39. Такую же эволюцию пережил в свое время китайский язык; в древности он был агглютинативным и лишь позже стал близок к корневному типу. Кстати, по мере их изучения была подвергнута сомнению и односложность языков ква. Было доказано, что односложные корни могли образовываться от более древних двусложных корней путем отпадения второго слога¹⁴. Так что можно предположить, что аналитическая структура это некая форма деградации флективных языков и мышления ее носителей.

В результате нам придется внести изменения в традиционную иерархию языков, существующую со времен Фридриха Шлегеля, который утверждал, что флективные языки по своему строю являются несравненно более ценными, чем агглютинативные. Э. Сепир цитирует высказывание одного прославленного американского писателя, что для флективной женщины преступно выйти замуж за агглютинативного мужчину. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что ни семиты, ни народы с языками аналитического типа к числу «флективных людей» не относятся.

Научную базу под иерархию языков подвел в 1850 году Август Шлейхер (1821—1868), которого называют основоположником «биологического натурализма» в языкознании, крупный специалист по славянским и балтийским языкам. В трех морфологических типах языков Шлейхер видел воплощение трех ступеней развития: в корневых древнейшую, в агглютинативных – промежуточную и во флективных – новейшую, т.е. высшую. Образование всех трех типов Шлейхер

---

¹³ Цит. соч., с.188.

¹⁴ В.К. Яковлева. Язык иоруба. М., 1963, с.11.

относил к доисторическому периоду, в исторический период языки перестают развиваться, они начинают разлагаться.

Н.Я. Марр всю жизнь воевал против «индоевропейского чванства», однако, будучи объективным ученым, пришел в итоге к той же схеме, что и Шлейхер, и схлопотал за это обвинение в том, что он «объективно помогает расизму». И у него первой ступени развития соответствуют односложные языки, второй – агглютинативные и высшей – флективные. И с его точки зрения «языки смененных систем отличают народы, отпавшие от общего мирового движения, независимо от того, вовлечены ли они снова мировым хозяйством в круговорот мировой жизни»¹⁵. То есть, с народами происходит то же, что и с детьми, воспитанными зверями: вопреки сказке о Маугли, они никогда уже не станут людьми.

Однако реальная схема более сложна, чем у Шлейхера и Марра. Первой ступенью, несомненно, будут полисинтетические языки, отражающие уровень дологического мышления. Далее следуют агглютинативные языки (механическое мышление), но они могут развиваться в двух направлениях.

Одно из них тупиковое, застойное, другое – подъем на более высокую ступень развития – флективную (органическое мышление). Здесь опять происходит раздвоение: одни языки идут по тупиковому аналитическому пути, по пути разложения и деградации, другие (синтетические) остаются открытыми для той перспективы, которую предвидел Н.Я. Марр, когда говорил: «Неизвестно, как долго логическое мышление удержится и не сдаст ли оно свои позиции новой системе мышления, о строе которой мы сейчас можем лишь гадать». Если кто-то думает, что эту новую систему отражают языки, созданные для программирования ЭВМ, так в этих языках ничего нового нет. Программисты подвергли анализу различные живые языки и к удивлению своему обнаружили, что для их целей лучше всего подходит язык кечуа, на котором говорят индейцы аймара в Перу, некогда жившие при т.н. «инкастическом коммунизме», при котором жизнь людей была настолько запрограммирована, что они даже супружеские обязанности выполняли по звонку. Д. Андреев, сидя в советском лагере, догадался, что из Перу исходила страшная опасность для всего человечества. А ведь он не дождался до того времени, когда в том же Перу начала действовать изуверская коммунистическая секта «Сендеро Люминосо» («Светлый путь»).

Нации различаются не только теми особенностями характера, которые изучает расовая и национальная психология, они различны и по способу мышления, что находит выражение в структуре языка, чем, похоже, никто не занимается. А

---

¹⁵ «Язык». Лекция в Азербайджанском университете, май 1927.

ведь задумывались над этим еще ранние славянофилы, в частности И.В. Киреевский, который писал в своей основополагающей статье «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России»: «Стремясь к истине умозрительной, восточные мыслители заботятся, прежде всего, о правильном внутреннем состоянии мыслящего духа, западные – более о внешней связи понятий. Восточные для достижения полноты ищут внутренней цельности разума, того средоточия умственных сил, где все отдельные деятельности духа сливаются в одно живое и полное единство. Западные, напротив, полагают, что достижение полной истины возможно и для разделившихся сил ума». «Раздвоение и цельность, рассудочность и разумность будут последним выражением западноевропейской и древнерусской образованности»¹⁶. С другой стороны, А.С. Хомяков сетовал: «Другие имеют внутреннюю целостность, а мы нет»¹⁷. Можно придти в недоумение: что же, в конце концов, характерно для русского народа – цельность или ее отсутствие? Но противоречие здесь кажущееся, потому что речь идет о разных вещах – психическом складе и способе мышления, а причина путаницы в том, что сами славянофильские теоретики в своем стремлении к цельности в смысле гармонии мысли и чувства смешивали эти два понятия. Цельным можно назвать именно русский способ мышления, чему соответствует синтетический тип русского языка. В отличие от него в типично аналитическом английском языке отражен, как в зеркале, эмпирический характер английского мышления, его неспособность к теоретическим обобщениям, на что обращал внимание Ф. Энгельс. Сегодня на Западе время от времени слышатся жалобы на отсутствие новой цельной идеологии, но для начала не мешало бы обзавестись хотя бы способностью к восприятию таковой, а на нет и суда нет. Совершенно иной характер имеет русское мышление, к которому как нельзя лучше подходит термин, определяющий тип русского языка, – синтетическое. Западная наука давно уже торжественно вступила дружными колоннами в многочисленные тупики специализации, так что налицо тот самый «идиотизм специализации», о котором говорил К. Маркс. Теперь нет больше биологов, а есть только специалисты по перепончатокрылым, – с сожалением констатировал Н. Винер. Таковы плоды мышления аналитического типа, противопоказанного нам, русским, поскольку у нас совсем иной тип мышления. Склад мышления по большей части имеет уклон либо в сторону левополушарного (образного, синтетического) способа мышления, либо правополушарного (логического, аналитического)¹⁸. У В.И. Ленина, например, настолько было развито логическое полушарие, что другое вообще атрофировалось.

---

¹⁶ И.В. Киреевский. Собр. соч., т. 2, с.258, 276.

¹⁷ А.С. Хомяков. Собр. соч., т. 3, с.222.

¹⁸ С. Спрингер, Г. Дейч. Левый мозг, правый мозг. М., 1983, с. 204-205.

А теперь давайте поднимемся вместе по ступеням развития языков, только перед этим необходимо дать несколько напутственных советов. Согласно В. Гумбольдту, «все языки и их племена представляются степенями движения одного и того же начала». Марр тоже говорил, что «языки всего мира представляют собой продукты одного глоттогонического процесса», т.е., говоря по-русски, процесса языкотворчества. Марр боролся против теории разного происхождения народов, различия их врожденных качеств и способностей. И, тем не менее, он признавал: «Каждая из систем так отрезана в своем дальнейшем долгом обособленном историческом бытовании от любой другой, что *вполне естественным* было предположение о различном происхождении каждой системы». Если это предположение вполне естественно, то не будет ли любая другая версия противоестественной? Для Марра первичным был не праязык, который пытался реконструировать А. Шлейхер, он исходил из факта первоначального многоязычия и говорил, что «человечество не начинало единым языком». Теории первоначального многоязычия в языкознании вполне соответствует теория первоначального расового полиморфизма В. Бунака: современные расы и языковые семьи – не изначальные, а более поздние образования.

Начнем с полисинтетических (инкорпорирующих) языков с их наиболее архаичной формой слова-предложения. Пример такого «слова», приведенный Э. Сепиром, устрашает. Русский ученый Л.Я. Штернберг, изучавший язык сахалинских нивхов, которых до революции называли гиляками, рассказывал, что изучение им гиляцкого языка шло на первых порах с большим трудом, так как его учителя, молодые гиляки, «с трудом отдавали себе отчет в том, что фразы состоят из отдельных слов, и с легким сердцем огорошивали меня длинейшими периодами». Главный продолжатель дела Марра в советской науке, академик И. И. Мещанинов (1883—1967), не хотел огорошивать начинающих лингвистов и брал более простые примеры из колымского и тундренного диалектов юкагирского языка, такие как «асаюлсоромох», «человек увидел оленя», буквально «олене-видение-человек», и «кориедиленбунил», «волк убил оленя», буквально «волко-олене-убивание».

Если кого-то не интересуют юкагиры и другие малочисленные народы, поясню, чем они нам все-таки могут быть полезны.

Специалисты по кельтским языкам отмечают такую их особенность, как «инкорпорирующие» формы глагола. По утверждению И. Покорного, в ирландском языке единицу речи составляет не слово, а предложение. И действительно: слово в контексте в кельтских языках совершенно не похоже на то же слово,

взятое в отдельности¹⁹, так что Карел Чапек не зря считал валлийский язык «невразумительным» и удивлялся, что «отец» в нем будет то «dad», то «tad», то даже «nhad», смотря по обстоятельствам.

Профессор Парижского университета Ж. Вандриес, книга которого «Язык» была издана на русском языке в 1937 году, проповедовал монистические взгляды на развитие языка: «Существует только один человеческий язык под всеми широтами, единый по своему существу». Сравнивая французский язык с языком гренландских эскимосов, он писал: «Есть языки, в которых слово сливается с фразой и где его можно определить только при условии включения в него самых разнообразных элементов. Во французской фразе «je ne l'ai pas vu» школьная грамматика насчитывает шесть отдельных слов. В действительности налицо только одно слово, но сложное, образованное из ряда морфем, переплетенных одна с другой». Мещанинов соглашался с такой трактовкой, но некоторые советские ученые (А.А. Реформатский, В.М. Жирмунский) обиделись за французский язык и восприняли ее в штыки. Как же так? «Получается, что французский и гренландский языки – типологически одно и то же и, очевидно, французский надо отнести к инкорпорирующему типу, к которому принадлежит гренландский?»²⁰.

Забавно, когда иностранцы объясняют французам, сколько слов во французской фразе. Я думаю, французам видней. Л.В. Щерба отмечал, что во французском языке «ударением снабжаются не слова, а группы слов, выражающие в процессе речи единое смысловое целое». И если в негритянских языках банту слово выделяется по признаку наличия единого ударения, то почему тот же принцип нельзя применить к французскому языку?

В той французской фразе, которую приводит Вандриес, слово «je», как справедливо указывает Мещанинов, ошибочно относится к местоимениям: оно не употребляется без глагольной формы. Известен курьез с русским генералом Уваровым, который на вопрос, кто командовал русской конницей, ответил Наполеону: «Je, Sire», за что к нему на всю жизнь приклеилось прозвище «Генерала Же». В данном случае надо было употребить местоимение «Moi».

Такие же различия И.И. Мещанинов обнаруживает в языке чукчей и сравнивает французское «moi je marche» и чукотское «гым ты – чейвыркын (я хожу). Французскому «moi» соответствует чукотское «гым», «je» – «ты».

---

¹⁹ Г. Льюис и Х.Педерсен. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954, с.463.

²⁰ «Морфологическая структура слова...», с.73.

Речь идет вовсе не о том, чтобы причислить французский язык к инкорпорирующим. Как подчеркивал сам И.И. Мещанинов, инкорпорирование типа слова-предложения в палеоазиатских, индейских и других языках «является лишь одной из конструкций, а вовсе не единственной. В этих языках одновременно с инкорпорированным словом-предложением существует и другой строй, в котором ясно выступают как различные лексические категории (части речи), так и развитый строй предложения с синтаксическим сочетанием грамматически оформленных слов». В этих двух сосуществующих структурах он видел «два стадияльно-различных строя, оказавшихся одновременно используемыми: один древний, но еще не изжитый, а другой, его сменяющий и из него же выросший, новый строй речи. Архаизмом в этом случае окажется первый – инкорпорированный комплекс»²¹.

С французским языком происходит обратная метаморфоза – частичный возврат к архаичным, более примитивным формам. И если верно, что французский язык достиг «наибольшей степени аналитичности»²², значит, развитие языка по аналитическому пути это деградация языка.

Процесс этот не может не иметь своей материальной подоплеки. Как учил Н.Я. Марр, «термин «вымирающие» в отношении племени или языка столь же несостоятелен, как и «поглощаемые», поскольку вымирание и поглощение понимаются в смысле бесследного исчезновения одной породы и мистически-отвлеченно представленного торжества другой. Виды языков не погибают и не поглощаются, а материально скрещиваются друг с другом и в этом скрещивании уничтожаемые виды находят свое спасение, часто торжество, претворяя в свою природу казалось бы бесследно поглощавшие их языки»²³. По оценкам расологов, примерно половина населения Франции принадлежит к альпийской расе. Народы, говорившие на индоевропейских языках, подчинили себе в Западной Европе народы альпийской расы, для которой эти языки явно не были родными, ассимилировали их, но влияние альпийского субстрата сказалось на дальнейшем развитии индоевропейских языков Западной Европы, толкнуло их на аналитический путь, на путь деградации.

Еще Ф. де Соссюр констатировал, что некоторые индоевропейские языки до такой степени изменили свой первоначальный характер, что кажутся представителями иного типа и называл конкретно английский, ирландский и армянский языки.

---

²¹ Общее языкознание. Л., 1940, с.77, 78.

²² «Морфологическая структура слова», с.193.

²³ Доклад на собрании Академии истории материальной культуры 9 июня 1920 года.

По определению А.А. Реформатского, «грамматическая техника инкорпорирующих языков связана с агглютинацией»²⁴. Переход на эту вторую ступень осуществляется самым разнообразными путями. Он становится необходимым по той причине, что «инкорпорированный комплекс, слово-предложение, при его конкретизации разного рода определителями, вырастает до крайне сложных размеров» и тогда «происходит разрыв комплекса, выделяются члены предложения, связываемые между собою показателями отношений между ними»²⁵.

Этот разрыв Мещанинов иллюстрирует на примере нивхского языка, в котором единый комплекс распадается на два отдельных основных инкорпорированных сочетания, комплекс субъекта и комплекс предиката. Предложение «т'вилаган веурд» («эта большая собака хорошо бежит») буквально выглядит так: «эта-большесобака бегохороша». Согласования между этими двумя комплексами не было, а их требовалось снова связать воедино. Средством такой связи стали классные показатели, особенно характерные для негритянских языков банту. Так во фразе из языка суахили «вату вема ванакисома китабу хики кизури» («хорошие люди читают эту красивую книгу») первый комплекс «вату вема» (люди хорошие) объединен классным показателем субъекта «ва», второй – классным показателем объекта «ки», а в глагольной форме «ванакисома» представлены и тот, и другой.

Классные показатели используются также в языках горцев Северного Кавказа, которые делят имена существительные на определенное число классов. Обычно таких классов три: активный мужской, активный женский и пассивный, но в чеченском языке их целых шесть, а в лезгинском вообще нет. В этих языках имя существительное, принадлежа к определенному классу, обычно снабжает согласуемый с ним член предложения своим классным показателем, хотя само такого может не иметь. Классные показатели в этих языках играют роль показателей связи согласуемых слов. Внешнее сходство в синтаксическом использовании классных показателей в языках негров банту и горцев Северного Кавказа, по словам Мещанинова, бросается в глаза²⁶.

В древних индоевропейских языках также существовало деление слов на классы. Так в греческом слове «потамос» («река») суффикс «о» и окончание «с» восходят к классным показателям. Поэтому форма именительного падежа не

---

²⁴ «Морфологическая структура слова», с.73.

²⁵ И.И. Мещанинов. Цит. соч., с.79.

²⁶ И.И. Мещанинов. Цит. соч., с.165.

могла употребляться в виде чистого корня, так как классные показатели превратились в неотъемлемых сопроводителей слова²⁷.

А.В. Десницкая различает индоевропейские языки с «классическим» синтетическим строем – древнеиндийский, древнегреческий, старославянский, латинский, причем из современных индоевропейских языков старый тип синтетизма частично сохраняет русский язык, и синтетический строй новой формации, использующий как флексии, так и аналитические средства. В индоевропейских языках, выработавших синтетизм нового типа, утратила свое значение и в большей или меньшей степени оказалась стертой старая индоевропейская система деления именных основ по классам. Остатки ее еще в известной степени сохранились в современном русском языке, менее отчетливо в немецком, совсем стерты эти остатки в романских языках, в английском, в албанском и др.²⁸

Десницкая льстит западноевропейским языкам, величая их вырождающуюся флективность «новым синтетизмом». Теряя вышеупомянутые «остатки», они теряли свои наиболее ценные качества, заменяя их более примитивными структурами.

Классных показателей не было в алтайских, т.е. типично агглютинативных языках. В тюркских языках, принадлежащих к этой семье, нет никаких особых показателей, разграничивающих именные и глагольные основы. В них есть группы аффиксов, присоединяющихся только к именным или только глагольным корням и основам. В зависимости от использования аффиксов той или иной группы происходит конверсия, т.е. либо превращение имен в глаголы (вербализация имен), либо глаголов в имена (номинализация глаголов).

В ходе развития индоевропейских языков проявилась тенденция к освобождению именительного падежа от специфического падежного признака, происходящего, как мы помним, от классных показателей. Нередко такой же редукции окончания подвергался и винительный падеж. Крайнюю точку этого процесса представляет английский язык, где, как указывает В.М. Жирмунский, общая форма единственного числа, тождественная с назывной формой, превратилась (как и в тюркских языках) в абсолютную форму слова²⁹. И в английском языке наблюдается та же самая конверсия, т.е. переход одной части речи в другую. В древнеанглийском языке этого не было. Конверсия, – продолжает В.М. Жирмунский, – характерна для языков с определенной структурой слова,

---

²⁷ «Морфологическая структура слова», с.220.

²⁸ Там же, с.231, 232.

²⁹ «Морфологическая структура слова», с.20.

отличной от древнеанглийского, новонемецкого или русского языка. Скорее, чем с древнеанглийским или немецким, здесь возможно типологическое сопоставление с языками агглютинирующими, вроде тюркских³⁰. И не случайно из всех славянских языков по аналитическому пути пошел только болгарский, – очевидно, сказалось тюркское происхождение болгар.

А.В. Десницкая отмечает в новых индоевропейских языках и такое явление, как грамматическое противопоставление основ множественного числа существительных основам единственного числа, напоминающее аналогичные явления в некоторых агглютинативных языках³¹. П.Я. Скорик сравнивает аналитические формы глаголов английского языка с т.н. составными глаголами каракалпакского языка и сложными глагольными лексемами башкирского языка³².

Существовала гипотеза, согласно которой германцы первоначально говорили на неиндоевропейском языке и заимствовали свой индоевропейский язык от некоего народа, пришедшего с Востока. С помощью этой гипотезы пытались объяснить фонетические сдвиги, которые произошли в германских языках за 500 лет до н.э. и в V веке н.э. Ганс Ф.К. Гюнтер выступил с опровержением этой гипотезы³³, но описанные выше тенденции к «снижению» современных языков Западной Европы на агглютинативный уровень должны же иметь под собой какую-то расовую основу. Сам Гюнтер полагал, что «изначальным языком восточной (альпийской) расы был язык агглютинирующего типа»³⁴. Без альпийской расы здесь явно не обошлось.

А. Кузьмин в статье «Одоакр и Теодорих»³⁵ пишет, что, начиная с неолита в Северную Европу проникает уральское население. «Уральский компонент в населении Северной Европы выявляется антропологами, и доходит такой компонент по морскому побережью даже до Испании»³⁶.

Непонятно, о каком «уральском населении» идет речь и какие антропологи его «выявляют». Если о т.н. «уральской расе», то теперь ученые пришли к выводу, что это понятие не должно выходить за границы расовых комплексов народов

---

³⁰ Там же, с.22, 23.

³¹ Там же, с.35.

³² Там же, с.243.

³³ Ганс Ф.К. Гюнтер. Избранные работы по расологии, М., 2002, с.186-188.

³⁴ Там же, с.185.

³⁵ Сб. Дорогами тысячелетий, кн. 1. М., Молодая гвардия, 1987, с.123.

³⁶ Там же, с.124.

Приуралья и Западной Сибири³⁷. Раньше типичными представителями этой расы считали лопарей (саамов) и даже называли ее «лопарской», но выяснилось, что заключение о былом широком распространении саамов и активном участии их в этногенезе других народов не соответствует действительности. Саамы – потомки палеоевропейского населения, их предки, создавшие на Кольском п-ове т.н. культуру комса, пришли не с Северного Урала, а с западного побережья Норвегии. Треть субстратной лексики языка саамов не находит соответствий не только среди финно-угорских языков, но вообще стоит особняком в мировой языковой практике³⁸. Норвежский антрополог Хальфдан Брюн отмечает, что граница, на которой в Норвегии некогда остановился ледник, в точности совпадает с линией, разделяющей два разных расовых типа. Один из них, темноволосые брахикефалы, ветвь альпийской расы, несомненно, жил в Южной Норвегии до того, как туда пришли люди нордического типа³⁹. К альпийской расе относил саамов и сам фон Эйкштедт⁴⁰. Так что расовым субстратом германцев были не «уральцы», сиречь финны. С финнами связывают область распространения ямочно-гребенчатой керамики, которая в позднем неолите и бронзовом веке господствовала в наших лесах. В Западной Европе ее не было⁴¹.

Если вспомнить здесь еще и слова Чикобавы о том, что английский язык сильно продвинулся в направлении к корневому типу, можно констатировать, что этот язык переживает процесс двойной деградации. Когда мы говорим о корневом типе, речь в данном случае не идет о языке вроде китайского (о нем разговор особый), а скорее об африканских языках группы ква. Современный итальянский политолог Сильвио Вальднер (Лоренцони) обращает в своей брошюре «Stati Uniti, Iberoamerica, Sud Africa» внимание на тот факт эпохи колонизации Америки, что растущее негритянское население Антильских островов и Гвианы восприняло английский язык как свой собственный, гораздо больше соответствующий их примитивной психике, чем «сложнейший» испанский язык⁴². Братья по духу нашли друг друга.

Конечно, нет недостатка и в тех, кто отрицает иерархический подход к языкам. Особенно отличился на этом поприще О.П. Суник, по утверждению которого корневых языков нет и никогда не могло быть, а между агглютинативными и

---

³⁷ Сб. Происхождение саамов. М., 1991, с.118.

³⁸ Там же, с. 139-140, 144.

³⁹ Halfdan Bryn. Der nordische Mensch. München, 1929, S.23-24; 66-67.

⁴⁰ G.A. Amandruz. Novs autres racistes. Montreal. 1971, p.99.

⁴¹ А.В. Арциховский. Основы археологии. М., 1955, с.52.

⁴² Ук. соч., с.44.

флексивными приемами принципиальных различий нет. Другой наш языковед, В.А. Аврорин, разоблачил жульнические методы, с помощью которых Суник пытался доказать свою правоту. «Зачем это нужно – остается неясным», – недолго и уменно заключил Аврорин, хотя давно все ясно. Каждому кандидату в масоны говорят: «Если ты придержишься различий между людьми – спеши отсюда, здесь подобное неведомо»⁴³. Эта установка так и перекочевала без изменений из масонской эпохи «Просвещения» в пролетарский интернационализм и в современную западную «политкорректность».

В.А. Аврорин напоминает: «Давно уже известно, что чистых морфологических типов языков не существует в природе, что отнесение того или иного языка к агглютинативным, флексивным или изолирующим основывается исключительно на признании какого-либо одного типа морфем и связанного с этим способа их соединения преобладающим, ведущим, а вовсе не единственно возможным»⁴⁴. Это положение подкрепляет конкретными примерами Б.А. Серебренников. Да, пишет он, «все фонетические и морфологические явления, наблюдаемые в словах индоевропейских языков, могут быть присущи также словам алтайских и финно-угорских языков», «отличие от индоевропейских языков состоит лишь в том, что в алтайских и финно-угорских языках эти явления являются рецессивными, мало распространенными»⁴⁵.

Вот именно. С языками происходит то же самое, что и с расами: у них есть доминантные и рецессивные признаки. Верхоглядам достаточно обнаружить белокурые волосы у тюркских народов или у ливийцев, чтобы поднять крик о «примеси арийской крови», а это всего лишь остатки изначального расового полиморфизма. По словам Л. Гумилева монголы, в отличие от татар, были народом высокорослым, бородатым, светловолосым и голубоглазым, но они не имели ничего общего с блондинами, населявшими Европу⁴⁶. Ойген Фишер показал, что подобные признаки развивались у разных рас, только у одних они стали доминантными, а у других остались рецессивными. То же самое и с языками. В одних случаях возобладал агглютинативный тип, в других – флексивный, в эвенском языке, например, развился флексивный тип, но он остался белой вороной среди алтайских языков. Возьмем финно-угорские народы и их языки. В недавно выпущенном издательством ФЭРИ-В сборнике [«Русская расовая теория до 1917 года»](#) помещена статья И.А. Сикорского «Русские и украинцы», в которой гово-

---

⁴³ См. описание приема в масоны Риэго в посвященной этому испанскому революционеру книге Г. Ревзина из серии ЖЗЛ, 1939, с.207.

⁴⁴ «Морфологическая структура слова», с.208.

⁴⁵ Там же, с.219, 220.

⁴⁶ Поиски вымышленного царства. М., 1970, с.99.

рится, что «в состав населения России входят частью индивидуумы чисто финского типа, частью чисто славянского, частью же смешанного типа – из обоих»⁴⁷. И где это Сикорский ухитрился обнаружить «чисто финский тип»? Нет такого в природе, на финно-угорских языках говорят народы самых разных рас, от нордической до монголоидной, среди одной мордвы, говорящей на двух разных языках, представлены пять разных типов, возникших на базе трех расовых компонентов. Сикорский договорился даже до того, что «слабейшую сторону славянского характера составляет воля... и в этом отношении славяне представляют противоположность... финнам»⁴⁸. Опять: каким финнам? А.И. Герцен однажды наблюдал пожар в селе, населенном русскими и удмуртами. Русские суетились, таскали воду, гасили огонь, а удмурты сидели на пригорке, плакали и молились. Может быть, и этот финский народ превосходит нас в волевом отношении, может быть, и в скрещивании с ним Сикорскому померещилась бы «великая задача улучшения целого народа»?⁴⁹

Такой же разнобой царит и в финно-угорских языках. К.Е. Майтинская, перечисляя их фонетические, т.е. наиболее зависящие от расовых особенностей речевого аппарата признаки, оговаривает, что «ни один из этих признаков не распространяется на все финно-угорские языки, некоторые характерны для нескольких языков, другие – только для одного»⁵⁰. Балтийские финны, которым только и можно приписать те качества, о которых говорил Сикорский, это народы нордической расы, усвоившие финские языки, и не случайно балтийско-финские языки относятся к смешанному, агглютинирующие – флективному типу⁵¹.

Такую же расовую и языковую мешанину мы встречаем и на Кавказе. Для группы тамошних языков Марр изобрел термин «яфетические», но он не привился, и их стали называть иберо-кавказскими, хотя многие до сих пор сомневаются, можно ли объединять столь разнородные языки в одну группу. Тот же Марр говорил, например, об абхазском языке, что он «во многих отношениях выступает как древнейший тип речи, синтетический или аморфный». Анализ выявляет в этом языке пережиточно уцелевшее притяжательное спряжение: личные показатели глаголов генетически несомненно восходят к местоимениям⁵². По Марру,

---

⁴⁷ Ук. соч., с.271.

⁴⁸ Там же, с.275.

⁴⁹ Там же, с.277.

⁵⁰ «Морфологическая структура слова», с.94.

⁵¹ Там же, с.98.

⁵² И.И. Мещанинов. Общее языкознание, с.144.

местоимение – первая по времени появления часть речи, а глагол возник весьма поздно. Ганс Ф.К. Гюнтер разделял мнение, будто изобретение глагола было «одним из главных духовных деяний индоевропейских народов»⁵³, но приводимые им в доказательство этого примеры это уже известные нам инкорпорированные комплексы, а отнюдь не типичные для агглютинативных языков формы. Я бы привел примеры развитых глагольных форм из финского языка, но могут сказать, что это, дескать, влияние нордической расы, поэтому я обращусь к языку самого монголоидного из всех угро-финских народов – ненцев. В нем фраза «ты сармикахад вэнолы'» – «олень испугался волка» – такая же глагольная форма, как и у нас, а отнюдь не «олене-волко-пугание». И «сармикахад пинам» это именно «я боюсь волка», а не «моя волкобоязнь», как пытается нас уверить Гюнтер. Если видеть здесь, как он, лишь «нечто вроде глагола, поскольку то, что мы принимаем за личные окончания, всего лишь притяжательные суффиксы, тогда и формулу обращения в буддизм «Буддхам саранам гаччхами» можно выдать за «Мое буддопринятие». Гюнтер был профессиональный лингвист, значит, не мог не знать об особенностях тех языков, о которых писал, и умышленно шел на подлог. Если глаголов не было ни в каких языках, кроме индоевропейских, то как, спрашивается, попал в книгу мировых рекордов Гиннеса язык индейцев чиппева (штат Миннесота), в котором насчитывается 6000 глагольных форм? Индоевропейцы не только не изобрели глагол: некоторые из них его даже опять теряют. Взять хотя бы такую форму английского языка, как «I'm reading», в которой используется причастие настоящего времени. Чем она, по сути, отличается от причастных имен дравидских языков? В древнем тамильском языке «китантен» – «я лежал» это «лежавший я», как приведенная английская фраза «я читаю» может быть буквально передана как «читающий я». Это в английском языке мы имеем в данном случае не глагол, а «нечто вроде» глагола, а не в тех языках, на которые грешил Гюнтер. Каким образом возник глагол, можно проследить на примере унанганского (алеутского) языка, в котором глагольная форма «ануку-х'-тхин» (ты бросаешь) состоит из имени и местоимения (буквально «бросание-ты»): при их разделении от глагола не остается ничего. Такое местоименное спряжение стоит ближе всего к инкорпорированному комплексу. Оно и прослеживается в абхазском языке в результате палеонтологического анализа. Допускается в этом языке и конверсия, образование глагола от имени: вместо «я отец», «ты отец» в абхазском мы имеем выражения вроде «я отцу», «ты отцишь» и т.д.

Анализ спряжения абхазского глагола позволяет придти к тому выводу, что т.н. «эргативные приставки» являются в данном случае не чем иным, как притяжательными местоименными показателями, прослеживаемыми как в имени, так и в

---

⁵³ [Избранные работы по расологии, М., 2002, с.184.](#)

глаголе. В кавказских языках господствует т.н. эргативная конструкция. На примере абхазского языка можно проследить, как эта конструкция возникла на базе притяжательной, местоименной.

Эргативной называется такая конструкция, при которой действующее лицо ставится в орудийном (эргативном) падеже, соответствующем русскому творительному. Она встречается уже в языке чукчей. Фраза «гымнан гыт ты-пыляр-кыне-гыт» переводится весьма странным для нас оборотом «мною ты я покидаю тебя». Нельзя сказать ни «я тебя покидаю», ни «мною ты покидаем». Переходное спряжение в чукотском языке должно иметь отношение и к субъекту, и к объекту. Одностороннее согласование только с одним из них не допускается. Действительный и страдательный залоги находятся еще в нерасщепленном состоянии, как и в некоторых языках Кавказа. У этих языков много общих структурных форм с определенной группой северных азиатских языков: с чукотским, нымыланским и ительменским. И.И. Мещанинов объясняет эти схождения близостью норм мышления⁵⁴ и приводит для примера одну и ту же фразу «человек убил оленя» в чукотском и даргинском (дагестанском) вариантах:

чук. «кляволя коран'ы нмыркен ен»

дарг. «адамыйй варткел хабушиб» – структура в обоих случаях «человеком олень убил он его».

Маяковский, воспевая «краснозвездного героя», употребил оборот, на который явно повлияла эргативная конструкция: «Тобой завоеван Крым и белых разбита орава». Очевидно, сказался тот факт, что он был, по его собственным словам, «по рождению грузин». Согласно трактовке И.И. Мещанинова, основным для эргативной конструкции является выражение исполнителя действия. «Сознание делает в этом случае упор на действие, воспринимающееся с точки зрения его исполнителя»⁵⁵. Но естественно встает вопрос: а почему этот «исполнитель действия» говорит о себе в орудийном падеже, словно он является чьим-то орудием, исполнителем чужой воли, а не действующим лицом, как «нордический человек» Гюнтера?

Всем известны такие языковые формы, как безличные обороты типа русского «моросит» или немецкого «es nieselt». Н.Я. Марр подчеркивал, что, хотя такие глаголы и называются «безличными», на самом деле при них имеется действующее третье лицо. Под этим третьим лицом Марр понимал пережиточно сохра-

---

⁵⁴ И.И. Мещанинов. Цит. соч., с.168-169, 170.

⁵⁵ Там же, с.177.

нившиеся древние формы выражения действующего ирреального субъекта, созданного отсталым мышлением еще весьма примитивного человека. Испытывающий на себе действие субъект состояния воспринимался как находящийся под воздействием активности другого субъекта, созданного самим носителем речи в нормах своего собственного сознания»⁵⁶. Иногда можно узнать даже имя этого субъекта. Так в греческом языке тоже есть безличный оборот «дождит», но у Гомера его нет, зато у него встречается развернутое выражение «А Зевс дожидил».

Эргативная конструкция отражает именно этот уровень сознания. Если брать не все кавказские языки, а одну лишь картвельскую группу, можно увидеть, как менялись формы сознания. В чанском (лазском) языке эргативность сохранилась гораздо полнее, чем в грузинском, который дает прекрасный пример языковой перестройки эргативной конструкции в номинативную. Возможен и обратный, регрессивный переход. Так в одном из индоевропейских языков Индии, маратхи, мы встречаем эргативную конструкцию⁵⁷ – явный результат смешения арийцев с дравидской расой. В грузинском языке мы наблюдаем как бы борьбу номинативного строя предложения с пережиточно сохранившимся эргативным построением. Так во фразе «человек строит дом» в чанском языке «человек» стоит в эргативном падеже «коцик кидуфс окори», а в грузинском – в именительном «каци ашенебс саклса», хотя возможна и эргативная форма «кациса ган шендеба сакли». На такой же переходной стадии находится в грузинском языке и морфологическая структура слова. Н.Я. Марр, который сам был грузин по матери и потому не вполне объективен, утверждал даже, что грузинский язык представляет собой почти чисто флективный язык с некоторыми пережитками агглютинативности⁵⁸. Наличие разных структур в грузинском языке объясняется тем, что среди грузин наблюдается наибольшее разнообразие расовых типов. У горных грузин преобладает кавкасионский тип, у западных грузин (мегрелов, лечхумцев) сильна примесь понтийского типа, менее выражена она у имеретинцев, гурийцев и прибрежных аджарцев; восточные грузины (месхи, джавахетинцы, карталинцы, кахетинцы) принадлежат к переднеазиатскому типу и их не отличить от армян, ингилойцы близки по типу к азербайджанцам. Предположение Ю. Шилова, что в катакомбную эпоху в причерноморских степях существовал картвело-индоевропейский союз, можно считать обоснованным⁵⁹. Марр совершенно правильно объяснял причины вышеупомянутой пере-

---

⁵⁶ Там же, с. 255-256.

⁵⁷ Т.Е. Катенина. Язык маратхи. М., 1963, с.88.

⁵⁸ Доклад в Махачкале, 1924 г.

⁵⁹ Прародина ариев. Киев. 1995, с. 290.

стройки языка. Это изменение норм мышления. С осознанием индивидуального лица, последнее становится центром логического построения (логическим субъектом), в связи с чем впоследствии вырабатывается также и центр грамматического построения (грамматический субъект)⁶⁰. По определению В. Вундта, «ничто так четко не проводит границу между первобытными и культурными народами, как вмешательство индивидуальностей с их произвольными действиями». В синтаксисе этот процесс выражается в номинативном строе предложения, в морфологии – в освобождении слова из-под власти предложения.

В инкорпорирующих языках, вроде языка гренландских эскимосов, есть тенденция образовать столько слов, сколько есть фраз, и столько фраз, сколько есть слов. Впоследствии слово-предложение распадается на отдельные комплексы, а потом на еще более мелкие, но все же инкорпорированные члены предложения, которые состоят из определителя, слившегося с определяемым.

Европейские лингвисты ломают головы и копы, споря, что считать словом, а что словосочетанием, и заходят в тупик, когда сложные слова и словосочетания становятся неразличными, как, например, в китайском языке. Ученые мужи вроде бы давно уже изучают этот язык, а все никак не могут решить, односложный он или нет. Статистически доминирующей нормой в современном китайском языке, как и в других языках китайско-тибетской семьи, является многосложное слово. Однако, как считает В.М. Солнцев, полисиллабизм этих языков иной природы, чем полисиллабизм европейских языков. В китайском языке корневые элементы за ничтожными исключениями односложны и лишь в малой степени способны к фонетическому варьированию. Полисиллабизм современного китайского языка (как и других китайско-тибетских языков) есть следствие сложения неизменяемых односложных корневых слов⁶¹.

В.М. Солнцев в данном случае зря распинается за все индоевропейские языки. Если взять такие сложные слова немецкого языка, как *Wanduhr*, *Fußbrett*, *Waldweg*, *Dampfschiff* и т.д., то они представляют собой точно такое же соединение односложных корневых элементов безо всякого «фонетического варьирования».

Сходство усугубляется еще следующим. У китайцев, в отличие от нас, нет единого понятия слова. Они различают две категории «цы» и «цзы». «Цы» это мельчайшая часть предложения, дальнейшее деление которой невозможно без нарушения смысла данного предложения, так сказать, атом речи, а «цзы» это слоги, которые в китайском языке представляют собой морфологически значи-

---

⁶⁰ И.И. Мещанинов. Цит. соч., с. 218, 219.

⁶¹ «Морфологическая структура слова», с.122.

мые единицы, носители смысла. «Цзы» это только строительный материал для «цы», элементарные частицы атома. Китайские словари являются, по сути дела, словарями – «цзы», а не «цы». Если у эскимосов сколько фраз, столько и слов, то китайский язык широко пользуется словами, которые создаются непосредственно в речи для нужд данного момента («цы»). В современном художественном произведении примерно 3/5 «цы» не входит в словарь⁶².

Но точно такую же картину мы наблюдаем в немецком языке, в котором очень многие графические слова не являются словарными словами. Не менее половины сложных слов газетного текста отсутствует в словаре⁶³.

Другая отличительная особенность китайского языка – зависимость смысла слов от их порядка. Например, «гунжэнь» это «рабочий человек» или просто «рабочий», а «жэньгун» – «человеческий труд». Но и эта особенность отнюдь не уникальна, и ей есть аналоги в Европе. Так в валлийском языке «ti brenhin» будет означать «дом короля», а при перестановке этих слов получится «король дома».

Валлийский язык, язык жителей Уэльса, принадлежит к бриттской ветви кельтских языков. На острове, носящем их имя, бритты были предшественниками англосаксов. И причину деградации английского языка следует искать в расово-этническом субстрате английской «нации».

В своей изданной в 1991 году в Чили книге «Ману» Мигель Серрано излагает такую версию. Фризы, которые пришли в Британию вместе с англами и саксами, ранее жили в Северной Африке, где они встретили т.н. голенов. Это были священники из Сидона, которые попали на северные острова вместе с фризскими мореплавателями, а за ними последовали финикийцы. В Альбионе и Галлии они внедрились в среду священников и стали теми друидами, которые, как рассказывает Цезарь, приносили в жертву людей. Они исказили чистый культ истинных древних друидов и смешались с кельтами. Гитлер, по мнению Серрано, не напал на Англию, потому что считал ее за остаток Гипербореи, населенный белыми арийцами. Но он не знал, до какой степени проникновение голенов преобразовало этот мир. В Англии правительство, администрация, политика, экономика, истеблишмент – все контролируется «голенизированными валлийцами», т.е. голенами. М. Серрано связывает термин «голен» с этнонимом «галлы», с Галилеей, Уэльсом, Галлией и Галисией. Он пишет: «Мы не вполне понимаем проблему т.н. «валлийцев». На самом деле это евреи... которые проникли в Ир-

---

⁶² Там же, с.115-118.

⁶³ Там же, с.167.

ландию и Англию вместе с фризами и финикийцами; это англосаксонские марраны, голены, проникшие в среду кельтов и друидов и захватившие власть в Англии с воцарением династии Тюдоров. Два тысячелетия они вели войну на уничтожение против настоящих кельтов и германцев».

Можно считать построения Серрано плодом фантазии, но известный лингвист И. Покорный отмечал такую особенность кельтских языков, как твердый порядок слов в валлийском и ирландском предложениях: сказуемое – подлежащее – дополнение. Он видел в этом результат влияния «семито-хамитского субстрата», ссылаясь на то, что в арабском языке такой же порядок слов. В.Н. Ярцева в предисловии к русскому изданию «Краткой сравнительной грамматики кельтских языков» Г. Льюиса и Х. Педерсена (М., 1954) отреагировала на этот тезис весьма раздраженно: ей не понравился «неизвестно откуда взявшийся» семито-хамитский субстрат. Но если субстрат налицо и не известно только, откуда он взялся, то не лучше ли выяснить, откуда? А субстрат этот выявляют не только лингвисты, но и антропологи. Ганс Ф.К. Гюнтер указывал, что среди населения Британских островов самая темная пигментация – у жителей п-ова Корнуолл и южного Уэльса. Она обусловлена кровью средиземноморской («западной», по его терминологии) расы. «Население Корнуолла преимущественно западной расы, но часто оно имеет черты лица, напоминающие «семитские»⁶⁴. Гюнтер предполагал здесь наличие восточной примеси от финикийцев. Не ускользнул от внимания Гюнтера и тот факт, «сколь значительные потери и изменения претерпел английский язык из-за ощутимой примеси западной крови в английском народе»⁶⁵. Но не следует считать носителями этой крови кельтов.

Н.Я. Марр соглашался с гипотезой, что народы средиземноморской расы говорили на «прахамитских» языках, исчезнувших под напором арийцев. Современные языковеды отвергли это библейское название. По их мнению, никакой «хамитской» семьи или ветви, противостоящей семитской, не существует, а есть одна семито-хамитская семья, делящаяся на пять ветвей: семитскую, берберо-ливийскую, египетскую, кушитскую и чадскую⁶⁶. В.Н. Даниленко, изучая процесс распространения т.н. капсийской культуры из Северной Африки, указывает, что вместе с ней «в самом конце палеолита в присредиземноморские, причерноморские и приазовские части Южной Европы проникают значительные массы средиземноморского (а отчасти и негроидного) капсийского населения»⁶⁷. По мнению Даниленко, лишь в материалах капсийского ареала может

---

⁶⁴ Избранные работы по расологии. М., 2002, с.193.

⁶⁵ Там же, с.185.

⁶⁶ И.М. Дьяконов. Семито-хамитские языки. М., 1965, с.7.

⁶⁷ В.Н. Даниленко. Энеолит Украины, Киев, 1974, с.143.

найти обоснование гипотеза о родстве басков, хамито-семитов и протокартелов⁶⁸. Так что если В.Н. Ярцевой неизвестно, откуда взялся семито-хамитский субстрат в кельтских языках, то другие отвечают на этот вопрос вполне определенно.

Дело было, конечно, не в кельтах: просто они шли в авангарде индоевропейцев и первыми столкнулись с иноязычными расами, где с альпийской, где со средиземноморской. А как говорил Марр, ни народы, ни языки не вымирают, а часто даже торжествуют, «претворяя в свою природу казалось бы бесследно поглощавшие их языки». Именно это случилось с кельтами. Пришли вслед за ними германцы – их постигла та же судьба. Деграция языка в результате расового смешения привела к тому, что вырвавшееся было на свободу слово снова оказалось закованным в «порядок слов». Как метко сказал Э. Сепир, «чем синтетичнее язык, чем явственней роль каждого слова в предложении, тем меньше надобности обращаться к предложению в целом. В латинском языке каждый член предложения говорит за себя, а английское слово нуждается в услугах товарищей».

В латинском языке была достигнута высшая «свобода слова» в грамматическом смысле. Этим широко пользовались римские поэты, расставляя слова в самом произвольном порядке – их взаимная связь все равно оставалась совершенно ясной. В новых западноевропейских языках это вещь совершенно невозможная. Не случайно в современной Испании существуют организации, выступающие за возрождение латыни как языка международного общения в пику английскому. Вряд ли это делается в угоду католической церкви, – скорее, люди истосковались по «свободе слова». Нам, русским, незачем обращаться к древности – наш язык эту свободу сохранил.

В 1844 году французский ученый А. Вейль опубликовал книгу «О порядке слов в древних языках по сравнению с современными языками». Он утверждал, что всем языкам якобы присущ логический и естественный порядок слов, и «актуальное членение предложения» в аналитических и синтетических языках то же самое. В обеих группах языков «порядок слов естественный, только разный». Это уже напоминает рассуждение одного из героев А. Платонова: «Политика партии теперь другая, но правильная».

Против теории Вейля выступил чешский лингвист В. Матезиус (1882—1945). Он высказал такую мысль, что в чешском языке порядок слов соответствует актуальному членению предложения, а в таких языках, как английский, это члене-

---

⁶⁸ Там же, с.157.

ние встречает противодействие грамматического членения предложения». Бдительный советский человек А.Л. Пумпянский в этом споре, разумеется, поддержал Вейля, полагая, что «актуальное и формальное членение предложения неразрывно связаны друг с другом механизмом взаимного переосмысления логико-грамматических ассоциаций. Теория разрывов или конфликтов между этими категориями подразумевает разные мыслительные способности у разных народов»⁶⁹. Вот вывод, которого ученые определенного типа боятся пуще огня! Ради его опровержения они излагают свои тезисы на таком неудобоваримом языке, что обыкновенный человек не поймет ни слова и будет только тупо кивать головой: «Раз ученые люди так говорят, значит, так оно и есть». А ученые люди, вроде Пумпянского или известного советского лингвиста В.З. Панфилова, на труды которого он опирается, беззастенчиво врут, выполняя социальный заказ. По Панфилову, «логико-грамматическое членение имеет универсальный характер». Но любого человека, который произносит слово «универсальный», заведомо не следует слушать, так как в природе нет ничего универсального. Напомним, что говорил А.А. Потебня: грамматическое предложение вовсе не тождественно и не параллельно с логическим суждением. Грамматических категорий несравненно больше, чем логических.

Каких только заячьих петель не напетляли «пумпянские панфиловы» в своих попытках доказать недоказуемое! Начинают они очень самоуверенно: «Любое предложение любого языка, несущее одинаковую... информацию, обладает одинаковым логико-грамматическим членением и состоит из двух компонентов: логико-грамматического предиката и логико-грамматического субъекта⁷⁰. Но потом оказывается, что могут существовать предложения без логико-грамматического субъекта⁷¹. Вот вам и «одинаковое членение»! Или еще того чище: «Логико-грамматический предикат несет в предложении основную информацию, субъект – вспомогательную». Опять делается заявка, которая через несколько страниц опровергается. Члены предложения – носители основной информации именуются «сильными», а носители вспомогательной информации – «слабыми». Соответственно прямой порядок слов дает логико-грамматическую структуру «слабое подлежащее + сказуемое», а обратный – «сказуемое + сильное подлежащее». Порядок слов со слабым подлежащим это «слабый» порядок слов, а с сильным подлежащим – «сильный» порядок слов⁷². Но только что было сказано, что субъект несет вспомогательную информацию,

---

⁶⁹ А.Л. Пумпянский. Информационная роль порядка слов в научной и технической литературе. М., «Наука», 1974, с.36.

⁷⁰ Там же, с.64.

⁷¹ Там же, с.51.

⁷² Там же, с. 71.

т.е. заведомо «слаб», а тут вдруг оказывается, что он может быть и сильным. Мало того: есть еще третий порядок слов «сильное подлежащее + сказуемое», при котором подлежащее, сиречь вышеупомянутый субъект, несет основную информацию. Опять неувязка. Но особенно «логично» и «грамматично», когда об одном месте говорится: «Можно установить наличие третьего порядка слов в любом языке»⁷³, а в другом: «Во многих языках часто встречается третий порядок слов»⁷⁴. Так; во всех или во многих? Почувствуйте разницу. Особенно сильно вы ее почувствуете, когда вам скажут, что в русской письменной речи нет третьего порядка слов⁷⁵.

После всей этой ученой белиберды приятно услышать, что «в русском языке наблюдается значительно большее разнообразие вариантов логико-грамматического членения предложения, чем в английском»⁷⁶. Отличие русского языка от английского это отличие живого языка от языка, находящегося в стадии омертвения. Пумпянские панфиловы этого никогда не скажут, у них это рациональное зерно приходится выкапывать из огромной навозной кучи «ученой» терминологии.

Нам предлагается такое основное правило: «Чем больше активных смыслоформирующих интонационных возможностей имеет устная речь, тем строже подача основной и вспомогательной информации в письменной речи (в языке синтетического типа вроде русского) и наоборот, чем меньше этих возможностей у интонации в устной речи (при фиксированном порядке слов), тем меньше расхождения в подаче информации в устной и письменной речи (в языке аналитического типа вроде английского)».

«В русском языке наблюдаются большие расхождения в подаче основной и вспомогательной информации в устной и письменной речи. В устной речи основная информация часто вводится в начале предложения. В письменной речи вспомогательная информация обычно присутствует... в начале предложения, а основная информация тяготеет к концу предложения». «Свойственная письменной речи «нейтральность» интонации компенсируется действием принципа «линейной» подачи информации – «вспомогательная информация» – «основная информация»⁷⁷.

---

⁷³ А.Л. Пумпянский. Цит. соч., с.60.

⁷⁴ Там же, с.71.

⁷⁵ Там же, с.81.

⁷⁶ Там же, с.76.

⁷⁷ Там же, с.65.

Мой отец всю жизнь преподавал русский язык и литературу и любил говорить, что в русском языке больше исключений, чем правил. То «правило», которое пытается навязать нам А.Л. Пумпянский, связано с особенностями научной литературы: она, помимо того, что без особой нужды использует иностранные слова вместо русских (так оно «научней»), не менее канцелярского языка склонна к шаблонным оборотам. Хотя у журналистов тоже есть свои шаблоны, тем не менее «в газетах вспомогательная информация нередко попадает в конец предложения»⁷⁸. Куда же девалось «правило»? Или печатный язык – уже не «письменный»?

А нет его, этого правила. В книге А.Л. Пумпянского приводится множество примеров перевода с английского языка на русский и в большинстве случаев порядок слов в русских предложениях может быть изменен и фразы будут по-прежнему звучать вполне естественно, а не вычурно-манерно, как, скажем, в языке Андрея Белого. «В английском языке не наблюдается особых расхождений между подачей основной и вспомогательной информации в устной и письменной речи... Фиксированный порядок слов значительно ограничивает в английском языке действие интонации, перепоручая ее функцию порядку слов. В отличие от русского языка в английских предложениях логико-грамматическое членение обычно одинаково в устной и письменной речи». «Главное расхождение заключается в том, что в английском языке вспомогательная информация как бы пронизывает основную информацию». Если изобразить такое распределение информации графически, получается синусоида⁷⁹. Поместить бы рядом для сравнения такую же картинку для китайского языка – совсем было бы красиво. И в самом деле: нормальный порядок слов китайского предложения таков. На первом месте – подлежащее с определением перед ним, на втором – сказуемое с определением перед ним и на последнем – дополнение со своим определением. В итоге получается та же самая синусоида. Справедливости ради следует отметить, что структура немецкого языка принципиально отлична от структуры английского. Основную массу глаголов немецкого языка составляют глаголы с отделяемыми приставками. К.А. Левковская вздумала оспаривать законность этого традиционного термина, поскольку приставки, по ее мнению, отделяться от основы по самой своей природе не могут. Поэтому она рассматривает отделяемые приставки как наречия, а глаголы с этими приставками в слитном написании не как сложные слова, а как стойкие фразеологические словосочетания. По мнению В.М. Жирмунского, на Левковскую вредно повлияла теория, выдвинутая А.И. Смирницким для английского и скандинавских языков, согласно которой т.н. глагольные послелоговые конструкции этих языков (типа английского *stand up*)

---

⁷⁸ Там же, с. 66.

⁷⁹ А.Л. Пумпянский. Цит. соч., с.67-68.

рассматриваются как прилагольные наречия, а сложные глаголы этого типа – как «глагольно-адвербиальные фразеологические единицы». Однако в английском и скандинавских языках, в отличие от немецкого, не существует слитных именных форм глагола наряду с отдельными личными формами»⁸⁰. В английском языке все доминирующие варианты грамматического выражения основной информации связаны с глаголом-сказуемым⁸¹, в немецком тоже, но если мы изобразим логико-грамматическую структуру немецкого языка графически, то получится не синусоида, как в английском языке, а круг внутри круга. Ф. де Соссюр различал языки по степени мотивированности знаков, считая часть знаков абсолютно произвольными, а часть – относительно мотивированными. Те языки, где немотивированность максимальна он называл лексикологическими, а те, где она минимальная – грамматическими (добавим от себя, что чем больше немотивированность, тем ближе мы к примитивным стадиям). По его мнению, английский язык уделяет больше места немотивированности, чем немецкий, а во французском языке наблюдается огромное возрастание произвольности по сравнению с латинским. Крайние точки – это ультралексикологический китайский язык и ультраграмматический санскрит. Когда В.З. Панфилов говорит о том, что язык представляет собой относительно самостоятельное явление, в свою очередь оказывающее определенное обратное воздействие на мышление⁸², он не открывает никакой новой истины. Еще В. Гумбольдт писал, что «преимущество языков друг перед другом состоит в степени их способности давать то или иное направление всему мышлению. А эта способность зависит от первоначального устройства языка, его органического построения, индивидуальной формы». О. Рехе отметил то весьма показательное обстоятельство, что немцы, которые уехали в США и перешли на английский язык, забыв свой родной, менее талантливы, чем немцы, говорящие на немецком языке. Но не следует преувеличивать влияние языка, не следует думать, что мышление негра, говорящего на французском языке, идентично мышлению прирожденного француза. Н.Я. Марр не зря предупреждал, что народы, языки которых он называл реликтовыми видами языков, уже не смогут развить свои языки до более высокого уровня: их мышление застыло на определенной ступени. Один факт заимствования более высокоразвитого языка ситуацию не исправит.

У Макса Штирнера есть очень удачное сравнение: человек, который освободился сам, и человек, которого освободили другие, отличаются друг от друга примерно так же, как лев и баран, одетый в львиную шкуру. Одно дело, создать развитый язык своими силами, другое – получить его в готовом виде. Теория

---

⁸⁰ «Морфологическая структура слова», с.11-12.

⁸¹ А.Л. Пумпянский. Цит. соч., с.60.

⁸² Там же, с.41.

обратного воздействия языка доводится до абсурда кликушами от современной молекулярной генетики, отрицающими расовые различия. Особенно отличается на этом поприще американский мафиози от науки Л.Л. Кавалли-Сфорца, по утверждению которого границы с четкой сменой генов совпадают со сменой языков, а родословное древо на основе генетического родства удивительно соответствует современной классификации языков⁸³. Получается, что негры, говорящие на английском или французском языках, генетически близки англичанам или французам! А у нас еще слышны иногда завывания, что в Советском Союзе генетику зажимали, как лженауку. Правильно делали, что зажимали! Это не наука, а служанка «политкорректности», типичный пример научного мракобесия. Классическое образование с преподаванием древних языков было очень полезно для народов Западной Европы, говорящих на аналитических языках, – оно способствовало исправлению определенного крена в их мышлении. В России такого крена не было и для русских школьников древние языки были только лишней нагрузкой. Ну а за пределами индоевропейских языков никакая латынь не поможет. Не следует думать, будто аналитические языки более поздняя и соответственно высшая форма по сравнению с синтетическими. Известный специалист по античной литературе И.М. Тронский указывал, что древний индоевропейский синтетизм может в ряде случаев иметь аналитическое происхождение. Все индоевропейские префиксы произошли из самостоятельных слов. Такого же происхождения прием удвоения в образовании форм глагола, подобно латинским *cado* (падать) – *cecidi*, *dedo* (отдавать) – *dedidi*, *pareo* (щадить) – *pereręsi* и т.п. Любопытное, что такой же прием частичного удвоения используется в языке хауса (чадская группа семито-хамитских языков) для образования множественного числа существительных, например, «кофа» – «дверь», «кофофи» – «двери». Есть в нем и более примитивный метод полного удвоения: «ири» – «сорт», «ири-ири» – «сорта». На такой более примитивный уровень опустился и современный хинди. Вспомним знаменитое «Хинди-руси-бхай-бхай!» и сравним его с санскритской формой множественного числа «бхратрин» – «братья». Так что в индоевропейских языках существовали аналитические глагольные формы, впоследствии ставшие синтетическими⁸⁴. Отсюда вывод: переход к аналитизму, это не прогресс, а регресс. «Изучение чужого языка всегда должно быть приобретением новой точки мирозерцания» (В. Гумбольдт). Не знаю, как насчет мирозерцания, но влияние языка на психику несомненно. Достоевский предупреждал полиглотов, что, изучая слишком много языков, можно не только мозги свихнуть, но даже желудок испортить. Чужой язык может влиять на психику даже если его не изучать, а просто слушать. Известно,

---

⁸³ Irenaus Eibl-Eibesfeldt. Die Biologie des menschlichen Verhaltens. Weyarn, 1997, S.37, 40.

⁸⁴ «Морфологическая структура слова», с.225-226.

например, гипнотическое воздействие завывающей арабской речи. Звуки языка, как звуки музыки, настраивают на определенный лад. Как музыка, по Шопенгауэру, может превратить человека в раба, так и язык может его «запрограммировать» – вспомним несчастных индейцев аймара!

Император Карл V дал знаменитую характеристику европейских языков: «Испанским языком с Богом, итальянским – с женщинами, французским – с друзьями, немецким с врагами говорить пристойно». Ни английского, ни тем более русского языка означенный император не знал. Ломоносов попытался восполнить этот пробел в том, что касается русского языка, безапелляционно заявив, что им «со всеми оными говорить пристойно», но так не бывает. Не слыхал, рассматривал ли кто-нибудь английский язык в этом ряду, но если бы спросили меня, я бы ответил: это язык, лучше всего пригодный для разговора с животными. Притом с домашними: собаками, лошадьми, свиньями и т.п. Это язык самоуверенных хозяев, пышущий спесью и высокомерием. Для человека слушать английскую речь это уже унижение. Наслаждаться ею могут только мазохисты.

Нам не пристало следовать дурному примеру Ломоносова и возносить до небес свой собственный язык. Но наверное не случайно во дни тягостных раздумий о судьбах своей Родины Тургенев искал опору именно в русском языке. Значит, есть в нашем языке нечто, что может дать эту опору. Сегодня, когда у нас, русских, нет больше Родины, когда мы лишены даже права называться русскими, мы особенно нуждаемся в такой опоре, хотя она тоже изрядно изгажена англицизмами, всякими компьютерами и дистрибьюторами, дилерами и киллерами, саммитами, буллитами и прочей мерзостью. В русском языке есть то, чего нет в русской жизни, – в нем есть свобода. Когда Пушкин прощался со «свободной стихией» моря, печаль его была светла, – свободная стихия русского языка оставалась с ним. Только в этой свободной стихии и мог творить Маяковский – ни на один другой язык его стихи непереводимы, несмотря на все попытки. Это наша родная стихия. Только в ней мы и можем жить. Только в ней мы еще живем.

Сентябрь 2002

Посетите [Библиотеку Велесовой Слободы](#), где вы можете скачать все публикации с 2003 года, а также [Архив сайта](#)!

Велесова Слобода, 2008 г.